

Д.М. НАСИЛОВ

**О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ ГЛАГОЛА
И ЕГО СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РАЗРЯДОВ**

Одной из активно разрабатываемых в современном языкознании проблем является определение связи между грамматикой и лексикой, установление взаимного влияния этих двух уровней языка. Применительно к тюркским языкам наибольший интерес в этом отношении представляет выяснение связи между лексическим значением глагола и его грамматическими категориями. Исследователи тюркских языков уже давно отметили особую ведущую роль глагола среди других частей речи этих языков и особое место его морфологических форм в построении синтаксических конструкций [1]. Тот факт, что существует большая зависимость между типами лексических значений глаголов и всей структурой языка или его грамматическим строем, известен из материалов и других языков [2]. Это значит, что семантикой конкретного глагола (в современных работах он обычно именуется “предикатом”) определяется проявление в структуре предложения морфологических категорий его членов и типов синтаксических связей между ними.

На основании анализа лексического значения глаголы можно разделить на ряд семантических (лексико-семантических) групп. При таком делении используется лексикологическое толкование, лексикографическое описание и анализ реального содержания лексемы (референтного соотношения). Глаголы, обладающие общностью лексических значений, естественно, характеризуются и общностью грамматических свойств. Эти общие категориальные признаки в содержании слова позволяют говорить о существовании грамматически значимых (существенных для морфологии и синтаксиса) групп, или разрядов, слов в рамках данной части речи – глагола. В лингвистической литературе широко представлено направление изучения глагольной лексики, в котором используется тематический (денотативный) принцип распределения глаголов. Здесь давно изучаются такие группы глаголов, как глаголы речи, глаголы движения, глаголы мышления, глаголы чувства, глаголы звучания и т.п. Эти принципы в своих работах применяют и тюркологи.

Однако эти и подобные группы глаголов перекрываются самым важным основополагающим разбиением глагольной лексики на два больших класса, которые определяют также два типа грамматических признаков. Этими двумя фундаментальными классами глаголов являют-

ся глаголы действия и глаголы состояния. Отметим также, что каждый глагол характеризуется, с одной стороны, своим денотативным содержанием, он обозначает определенное явление, действие, отношение, происходящие в реальной действительности. С другой стороны, он передает также особенности осуществления указанных событий: их качественные и количественные характеристики. С грамматической точки зрения, семантика любого глагола (и глагола действия, и глагола состояния) всегда связана с обозначением процесса, то есть действие развивается или событие разворачивается во времени. Содержащиеся в глаголе качественные и количественные характеристики как раз и относятся к характеристикам указанной семантики процесса: его интенсивность, длительность, периодичность, повторяемость и т.п. С позиций современной лингвистики данные признаки процесса рассматриваются как “аспектуальные признаки” [3], в своих работах я предпочитаю использовать понятие о “акциональных признаках” [4].

Таким образом, в лексическом значении глагола сочетаются две разновидности его содержания: во-первых, название, обозначение самого действия/состояния (сравните: *yürümek* ‘передвигаться’ и его конкретные разновидности – *hareket etmek* ‘двигаться’, *gitmek* ‘идти’, *yaklaşmak* ‘приближаться’, *gitmek* ‘удаляться’, *geçmek* ‘проходить’, *aşmak* ‘переходить’ и т.п.). Во вторых, это ‘передвижение’ / ‘движение’ может отличаться по дополнительным признакам – *çabuk* ‘быстро’: *koşmak* ‘бежать’; *yavaş* ‘медленно’: *sürünmek* ‘ползти’. В других тюркских языках (по сравнению с турецким) для обозначения этих особенностей “передвижения” используются и другие лексемы; ср.: чуваш. *şüre-“yürümek”*, *antäl-* ~ “*hızlı gitmek*”, *eşkēn-* “*çabuk geçmek*”, *věš-* “*uçarak gitmek*”, *ērēh-* “*kaçmak*”, *śiś-* “*çarpmak*”, *lenkke-* “*zor yürümek*”, *tankāş-* “*zor varmak*”, *yaşalan-* “*agırlıkla yürümek*”, *lāpāstat-* “*agir agir gitmek*”; узбек. *yugur-* “*koşa koşa yürümek*”, *çop-* “*çarpmak*”, *koç-* “*koçmak*”, *yel-* “*yelmek*”, *quv-* “*kovalamak*” [5]. Именно вторая разновидность в лексическом значении глагола, то есть указание на особенности развития и протекания процесса, представляет собой, с нашей точки зрения, его акциональную семантику. Значит, определенные типы действий или состояний сопровождаются соответствующими для каждого из них акциональными свойствами. Поэтому каждый отдельный глагол можно рассматривать в лексикологии с точки зрения его лексической семантики (денотативного значения) и в аспектологии с точки зрения его акциональной семантики. Когда глагол используется в предложении как сказуемое, то уточняется его лексическое значение и его акциональные признаки. Эти признаки

могут уточняться с помощью обстоятельств (прежде всего обстоятельства образа действия), иначе говоря, специальных членов предложения, выраженных словами или синтаксическими оборотами (ср.: *быстро, медленно, часто, редко, постоянно, двигаясь медленно, приезжая регулярно* и т.п.). В тюркских языках применяются также специальные аффиксы и особые глагольные аналитические формы, в которых используются так называемые вспомогательные (служебные) глаголы; ср. татарск. *бар-гала* 'ходить иногда', *сөйләштергәлә* 'рассказывать иногда'; узбек. *кулиб юбормоқ* 'рассмеяться', *гапириб юбормоқ* 'разговориться', *қизариб кетди* 'покраснеть' и т.п. [6]. Использование тех или иных средств (лексических или морфологических) зависит от особенностей данного тюркского языка, а в самом отдельном языке эти средства распределяются в зависимости от принадлежности глагола к семантической группе глаголов действия или глаголов состояния. Дело в том, что эти две основные группы глаголов характеризуются, как уже говорилось, разными акциональными потенциями. Здесь мы наблюдаем тесную связь между лексическим значением слова и теми грамматическими значениями, которые могут быть реализованы в процессе его словоизменения.

Говоря о том, что основным признаком глагола как части речи является выражение им процесса (процессности), нужно добавить, что процесс протекает всегда в определенный период времени и поэтому может иметь свое начало и конец, его развитие расположено между этими двумя точками. Отсюда вытекает признанное в языкознании представление процесса как состоящего из трех основных частей, или фаз: фазы начала – фазы продолжения / срединной фазы – фазы конца. Применительно к тюркским языкам анализ глаголов с точки зрения их фазового строения представлен в работах L. Johanson (турецкий язык), Cl. Schönig (татарский язык), Д.М. Насилова, А. Ходжиева (узбекский язык) [7]. В них показано, что глаголы разных семантических групп отличаются также и отражением в их семантике соответствующих фаз процесса / действия. Это различие наиболее явно видно на примере противопоставления уже упомянутых двух основных классов глаголов – глаголов действия и глаголов состояния.

Глаголы действия обозначают активную деятельность субъекта, которая направлена на конкретный объект и имеет конечную цель заставить этот объект принять новое состояние. Общее их значение: "делать так, чтобы наделил объект свойством или оказать на него воздействие, содержание которого представлено в значении основы глагола". В зна-

чениях таких глаголов содержатся все три основные фазы, но особенно важна последняя фаза завершения процесса, она часто указывает тот предел, после которого действие завершается, а объект переходит в новое состояние; ср.: *Он построил себе красивый дом*. Поэтому глаголы действия обычно являются предельными (terminative).

Глаголы состояния как бы замыкаются на субъекте выражаемого ими действия. Такие действия не свидетельствуют о смене признаков субъекта. Эти признаки могут быть более или менее постоянными или временными. Субъект остается носителем своих признаков или тех отношений, в которые он вовлекается. Эти действия начинаются не с целью их окончания и завершения. В значениях таких глаголов представлена только срединная фаза процесса без начальной и конечной границ, поэтому обозначение начала или окончания такого действия / состояния производится с помощью специальных средств. Здесь используются или обстоятельства, или морфологические показатели. Примерами глаголов состояния являются такие лексемы: *жить, дышать, находиться, знать, работать, летать, надеяться* и пр.

В непроизводных глаголах их принадлежность к классу глаголов действия или состояния формально не обозначена, она устанавливается на основе изучения и анализа их лексического значения. Однако в производных глаголах, образованных по определенным словообразовательным моделям с помощью определенных аффиксов или аналитических конструкций, такая принадлежность глагола уже внешне определяется с помощью указанных средств. В таком случае словообразовательный или формообразовательный аффикс вносит изменение в лексическое значение глагола, сигнализирует о его отношении к основным группировкам и, следовательно, о его акциональной семантике. Так, например, показатели каузатива, образуя соответствующий залог тюркского глагола, одновременно указывают на принадлежность такого глагола к классу предельных лексем. В турецком языке, как известно, активными аффиксами каузатива являются *-t(ʔ)r* и *-t*, к непродуктивным аффиксам относятся *-(ʔ)t*, *-(ʔ)r*. Аналогичные показатели выступают и в других тюркских языках [8]; в киргизском языке, например, самым продуктивным аффиксом является *-m* (82%, или 2627 лексем, из общего числа 3201 – по Словарю К.К. Юдахина), затем следует *-дыр* (15,5%, или 494 лексемы), *-кыз* образует 48 каузативов (1,5%), *-ыр* образует 12 лексем (0,3%) [9]. Судя по “Обратному словарю турецкого языка” [10], с помощью аффикса *-t(ʔ)r* образуется приблизительно 500 лексем, с помощью *-t* произведено около 120 лексем (следует учесть, что эти списки являются неполными и

не исчерпывают весь состав турецких глаголов; всего в указанном словаре включено чуть более 4 600 глаголов). “Обратный словарь узбекского языка” фиксирует около 6 000 глаголов, из них отмечено свыше 1 600 каузативных форм глагола [11]. Таким образом, по неполным сведениям в современном турецком языке с помощью аффиксов каузатива маркируется до 700 глаголов как принадлежащих к классу предельных и имеющих соответственно конечную фазу в своей внутренней семантике.

К классу неопредельных лексем в тюркских языках относятся так называемые изобразительные глаголы (глаголы-идеофоны). Все они характеризуют субъект действия со стороны его звуковых, физических или физиологических особенностей. Такие глаголы, естественно, в акциональном плане выражают только серединную фазу процесса, то есть сам процесс в его совершении. Изобразительные глаголы в тюркских языках обычно отличаются особой фонетической формой, а также специальными аффиксами или словообразовательной моделью. В турецком языке выделяется модель образования таких глаголов: *изобразительное слово (идеофон) + аффикс -da/-de*; например: *tmgıldamak, mrıldamak, kıkırdamak, fısrırdamak, tirildemek, fingirdemek, kütürdemek, inildemek*. Таких глаголов в “Обратном словаре” отмечено около 70. Встречаются и другие менее продуктивные модели образования изобразительных глаголов типа: *fışkırmak, geğirmek, sümkürmek*.

Изобразительные глаголы с неопредельной семантикой образуются также по моделям составных (сложных) глаголов, в которых участвует служебный глагол, то есть по модели *изобразительное слово + etmek | demek*; например: *şık şık etmek, gık gık demek, gıcır gıcır etmek* (изобразительное слово обычно удваивается). Таким образом, изобразительные глаголы в турецком языке, как и в других тюркских языках, отчетливо выделяются с точки зрения своей лексической семантики и особенностей своего словообразования. Поэтому их акциональная характеристика также хорошо выявляется при лексикологическом описании.

Еще одна распространенная словообразовательная модель сложных глаголов может свидетельствовать о принадлежности глагола к классу глаголов действия или состояния. Образованные по модели *имя + etmek* глаголы в зависимости от семантики имени могут быть глаголами действия (*yok etmek, var etmek, garet etmek, işkence etmek*) или глаголами состояния (*galeyan etmek, iftihar etmek, seyahat etmek*). Поскольку в таких сложных глаголах часто используются арабские и персидские причастия и масдары, то семантика производного глагола поддается формализа-

ции. Наоборот, модель *имя + olmak* чаще реализует семантику глаголов состояния (*malik olmak, hoşnut olmak, düzensiz olmak, mevsum olmak*).

Четкую семантику в сочетании с определенными словообразовательными моделями имеют глаголы с семантикой становления и развития процесса (*mutative*). Многие из них произведены от имен прилагательных (или корней с качественной семантикой): *ak* → *ağarmak*, *kzıl* → *kzarmak*, *bay* → *bayrmak*, *küçük* → *küçülmek*, *kza* → *kzalmak*. Эти глаголы показывают, с одной стороны, определенные свойства субъекта, с другой стороны, такие свойства в субъекте развиваются и доходят до определенного предела, то есть глаголы приобретают предельную семантику. По указанным признакам они занимают промежуточное положение между глаголами состояния (свойства субъекта) и глаголами действия (предельность процесса). Здесь используются аффиксы *-(?r, -(?I*.

Таким образом, приведенные примеры показывают, что в турецком языке у достаточно большого числа лексем не только на семантическом уровне, но и формально (на уровне аффиксов и моделей) устанавливается их акциональное значение, то есть принадлежность к определенному типу аспектуальной семантики. Поэтому, когда говорят о том, что в турецком языке (вообще в тюркских языках) глагол не проявляет четко своей аспектуальной семантики, следует учитывать, что такое утверждение относится не ко всем лексемам. В турецком языке существуют сотни глаголов с формально выраженной акциональной (аспектуальной) семантикой.

Во всех таких случаях мы наблюдаем наглядно взаимодействие двух уровней языка лексического и грамматического (морфологического).

ЛИТЕРАТУРА

1. Grönbech K. Der türkischen Sprachbau. Kopenhagen, 1936.
2. Klimov G.A. Tipologiya yazikov akcionogo ctroya. M., 1977; Durst-Andersen P.V. Mental Grammar. Columbus (Ohio), 1992; Mescaninov I.I. Glagol. M.;L., 1948.
3. Comrie B. Aspect. Cambridge, 1976; Johanson L. Aspekt im Tukischen. Uppsala, 1971; Schönig Cl. Hilfsverben im Tatarischen. Wiesbaden, 1984; Bondarko A.V. Vid i vremya russkogo glagola. K., 1971; Maslov Y.S. Ocerki po aspektologii. L., 1984.
4. Nasilov D.M. Problemi t'urkskoy aspektologii. Aktsional'nost'. L., 1989.
5. Vasil'eva N.N. Glagoli dvijeniya v sovremennom cuvasskom yazike. Ufa, 1980; Halikov K. Glagoli dvijeniya v sovremennom uzbekskom yazike. Samarkand, 1967.
6. Tipologiya iterativnih konstruksiy. L., 1989.

7. *Johanson L.* Opt cit.; *Schonig Cl.* Op. cit.; *Nasilov D.M.* Op. cit.; *Hjciyev A.* Uzbek tilida kumakci fe"llar. Toshkent, 1966.

8. *Sravnitel'no-istoriceskaya grammatika t'urkskih yazikov.* Morfologiya. M., 1988.

9. *Abdiyev T.K.* Konstruktsii s kauzativnimi glagolami v kirgizskom yazike. St.-Pb., 1996.

10. *Vietze P., Zenker L., Warnke I.* Rucklaufiges Worterbuch der turkischen Sprache. Leipzig, 1975.

11. *Kungurov R., Uzbeknov A.N.* Obratniy slovar' uzbekskogo yazika. Samarkand, 1969.